

P2
K 79

ВИТАЛИЙ КРЕКОВ

ЛИЦО
ТВОЕ

No 11.

Р2
Н79

ВИТАЛИЙ КРЕКОВ

ЛИЦО ТВОЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

КЕМЕРОВО
КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1980

115

В. А. Крёков. 762

К-63 Лицо твое. Стихотворения. Художник Г. В. Тржемецкий. Кемеровское книжное издательство, Кемерово, 1980.

56 с. 5000 экз.

Сознательная жизнь Виталия Крёкова началась с труда. Он по самой своей сути с начала и до конца — рабочий человек. И когда он скажет о себе, что он пастух, плотник, каменщик, кровельщик, перечислит еще несколько своих рабочих профессий, в нескромности его не обвинишь. Так оно и есть на самом деле. И еще — он поэт. Поэт неподдельный, настоящий.

70402—17
М145(03)—80 26—80 4803020000

г. Ленинск-Кузнецкий
Центральн. объединен.
городская библиотека
им. Крупской

С ОТКРЫТЫМ СЕРДЦЕМ

Возможно, что эта первая книжка поэта и не нуждается в каком-то особом предисловии. Стихи скажут сами за себя. И все-таки мне бы хотелось хоть немного рассказать о человеке, который их написал. Рассказать для того, чтобы читатель постарался увидеть молодого поэта таким, каким видим и понимаем его мы, его старшие товарищи по творческой работе. И если после этого Виталий Крёков станет ему еще чуточку ближе и понятней, я посчитаю свою задачу выполненной.

В поэзии всегда должно что-то случаться. Потому что она — живое тело, в ней пульсирует неспокойная кровь многих поколений поэтов, кровь нашего времени. Поэзия должна быть неожиданной, как хороший подарок. Наверно, поэтому мы с вами, читатель, с трепетом раскрываем каждую

новую книгу, ожидая от нового знакомства, по крайней мере, чего-то своего, незаёмного, ранее не слышанного и не открытого.

Так вглядываемся мы в нового для нас человека.

Более десяти лет назад на одно из собраний Кемеровского литературного объединения молодежи пришел Виталий Крёков. Высокий, застенчивый сероглазый парень. По традиции в конце вечера участники объединения читали свои новые стихи, познакомились с новичками. Когда дошел черед до Виталия Крёкова, он встал и прочитал такие строки:

Твои глаза мне выдышали росы,
На губы твои алые — хоть дуй.
Я намотал на шею твои косы,
Чтоб долгим был ответный поцелуй.

Спокойное течение вечера было нарушено. В привычные ритмы и размеры ворвалось что-то новое. Заговорила поэзия, жизнь, не придуманная, а близкая, осязаемая и понятная, прозвучали строки, чем-то похожие на оголенный электрический провод. Их живой ток словно пробил оболочку обыденности, обострил внимание к молодому автору. Сразу стало ясно, что в литобъединение пришел поэт со своим чувством мира, со своим взглядом на жизнь.

После мы узнали: Виталий Крёков только что вернулся из армии, работает плотником на Кемеровской тепловой электростанции. Скоро он стал одним из самых активных членов литературного объединения.

Бывает, что в своих биографиях молодые поэты пишут горделивые слова: работал на шахте, на Крайнем Севере, грузчиком, матросом, разнорабочим и так далее. Но часто за этими словами стоит сиюминутность всеопробования, а то и просто случайность. Сознательная жизнь Виталия Крёкова началась с труда. Он по самой своей сути с начала и до конца — рабочий человек. И когда он скажет о себе, что он пастух, плотник, кровельщик, каменщик, перечислит еще несколько из своих рабочих профессий, в нескромности его не обвинишь. Так оно и есть на самом деле.

И еще — он поэт. Поэт неподдельный, настоящий. Пусть он еще полностью не раскрылся, но я очень верю в этого человека, в его поэтическую судьбу. И я далеко не одинок в этой вере.

Сегодняшний Виталий Крёков пишет такие стихи:

Будут теплыми воды и суша.
Только б в травы желанные лечь,
Чтобы вновь с упоением слушать
Одиночества ясную речь,
Привести в этот мир мой прозрачный
Разноцветный, веселый народ...

Снилось мне: старца мудрого мальчик
К дому белому в полдень ведет.

Это подлинная поэзия. Глубокая и человечная.
Это голос чистый и искренний. Что скажет завтрашний
Виталий Крёков — ответит время. Верится только в хорошее.

Валентин МАХАЛОВ

* * *

И хлеб, и соль, и винограда гроздь,
И сотни дней торжественных и разных...
О жизнь, в твоих глазах я скромный гость,
Пришел к тебе на самый главный праздник.

Так властвуй, коль такая власть дана.
Твой свет величье помыслов умножит.
Как отрочество гения, весна
Меня апрельским воздухом встревожит.

Я вскину руки, твой услышав зов,
Очеловечу небо голубое.
И буду плакать. И не хватит слов
Воспеть свое величие земное.

Так я живу и тихим гневом зол
На то, что столько нам еще бороться,
Чтоб каждый в сердце каждого вошел,
Облитый светом утреннего солнца!

* * *

Купавы, жаркие купавы,
Вы трепетные огоньки.
В полях замолодели травы,
Сквозные веют ветерки.

За Иртышом, за желтой Обью
Проглянет сероглазо Томь...
И там: за далью и за долью
Стоит мой одинокий дом.

* * *

Наша бедность граничила с богом.
Память детства всегда дорога.
За сухим ископыченным логом
На закате темнели стога.
Вот и сумерки встали стеною:
Резкий блеск одиноких огней,
И пастух одинокий в ночное
Гонит за день уставших коней.
Наша бедность... В бурьяне избушка
Да ведро над печною трубой,
Много неба и хлеба горбушка
В летний день с родниковой водой.
Одуванчиков желтых обнова,
На прополке картофеля мать.
Неустанно, как доброе слово,
Хорошо это все вспоминать.

ЛЕТО В ОТРОЧЕСТВЕ

В тот год озимые хлеба
Тучнели. В травах вязли косы.
И были круче облака,
Свежее ливневые грозы.
И лес был полон серебра
И золота листвы щемящей.
Там с вечера и до утра
Цветы дышали в светлой чаше.
И к человеку строгий дух,
Как торжество счастливой веры,
Шел зоркость укрепить и слух,
Чтоб жизнь высокой мерой мерить.

* * *

Как детский сон после обеда.
Как зелень после теплых влаг,
Семнадцатое вижу лето
Началом всех начал и благ.

О, сколько розовых восходов
За свежей синевой стоит!
Там, за плетнями огородов,
Рожок куренком голосит.

Там, встретив красотою звонкой,
Светло взглянув в мое лицо,
Моя знакомая девчонка
Начнет скоблить и мыть крыльцо.

Там дни любви моей несмелой
Никак не могут отцвести.
Я все хочу ей иней белый
С берез... в лукошке принести.

* * *

Вот оно, свиданье в стынь мороза...
Роща над сверкающей рекой...
Я один... И каждая береза
Мякнет под горячею рукой.

* * *

Я помню: на кончину февраля,
Как оттепель коснулась крыш немножко,
Оглядывала дальние поля
Лицом уткнувшись в талое окошко.

А за окном стоял погожий день,
И на шестах скворечники теплели.
И уши распронизывала звень,
И отрясали снег последний ели.

Ты не сказала мне ни «да», ни «нет»,
Не захотела от меня отпрянуть,
И в сумерки ты не включила свет,
Чтоб втихомолку сладкой дрожью зябнуть.

Ты говорила: «Приходи потом,
Когда апрель разучивает гаммы...»
Потом насквозь проветривали дом,
Сорили ватой, с мелом мыли рамы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДЕТСТВО

Просвечивает солнце зелена.
Не успокоюсь тишиной звенящей.
Уже поля не растворят меня,
Не скроют сердце жиденькие чаши,
Где в воздухе горчит апрельский пал...

И было все мне, мальчику, известно:
В тот день, когда подснежники искал, —
Что вот таким приду на это место
С тобою вновь... под одинокий кров,
Где синь небес еще не раскололась,
Чтоб слушать ликование вечных слов,
Которые поднимет детский голос.

ОТТЕПЕЛЬ

Март зазвончел, и снег живым запахом,
Согрев плечо сомлевшее оврага.
Коричневеют рощи на холмах,
Как строчками покрытая бумага.

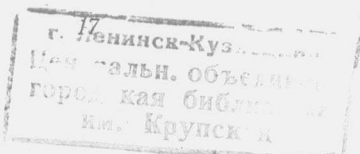
ВЕСНА

Когда весенний день, как голос нежный,
Истает до прозрачной глубины,
Войдут березы в свежие одежды,
И сосны зашумят из новизны.
И вот тогда увижу я — о люди! —
Не цепь веков, но лишь единый век.
Вдохнув голубизны, я полной грудью
Скажу: «Как ты прекрасен, человек!»
Я вижу, как плоты большие, пашни
Устремлены до горизонта всклень.
Во мне запечатлелся день вчерашний
И сквозь меня проходит новый день.

ВО***И

Возьми все то, что я могу любить,
Все, что дается многим и немногим,
Чтоб никогда ты не смогла забыть
В густых лесах просевшие дороги.

Там жизнеутверждающий покой,
Там ягоды прозрели в массе листьев.
И в рощах кто-то, в зелени сырой
Намалевал стволы молочной кистью.

762

ЛЮБИМОЙ

В слиянье губ — я принимаю душу.
Целюя руки — принимаю плоть.
О нежная! — в стыду морозных кружев
Возьму тебя, как бабочку, в щепоть.

РАЗРЫВ

Переживу я слов невзгду.
Из уст любимой. До конца.
Но в памяти, как в чистых водах, —
Черты прекрасного лица,

Все, что молчанием творилось,
Все, что ласкало взгляд и слух...
На мне еще не отструилось
Прикосновенье этих рук.

* * *

Лист желтый, пролетев над головою,
Мне сообщил, мой друг, такую весть,
Что осень нам с тобою вместе
Багряную устраивает месть,

Что наша скорбь на пьедестал высокий
Взойдет в последних числах сентября,
Когда безгрешным телом на голгофе
Заполыхают русские поля.

Все отгорит. Всею такая мера.
А нам с тобою жить еще да жить.
Найдем ли мы в сердцах любовь и веру,
Чтоб вновь весну из пепла воскресить?

ПИСЬМО

Под небом голубым расцвел ранет,
Трава и листья набирают соки,
Быть может, через сотни долгих лет
В моих стихах ты прочитаешь строки
О том, как мы из миллионов лиц —
Среди надежд, отчаянья, обмана, —
Искали наших солнцеликих жриц
Большого человеческого храма.
Я позабыл о том, что есть покой.
Я вышел в путь к тебе, моя святыня.
Чтоб в лучший час, единою судьбой
Мое с твоим перекликалось имя,
Чтоб долго видел твой влюбленный взгляд,
Уже не устремленный в поднебесье,
Как поколенья между нас стоят —
Спасенные великим равновесьем.

* * *

Костер таежный грел меня, как прежде, —
Мой древний друг среди январских стуж.
Я видел даль, где облака — одежды
Давным-давно от нас ушедших душ.

Кровь моих предков время не остудит —
Отделены невидимой стеной
На огненный язык молились люди,
А я стоял как опоздавший в строй.

И голос: «Человек, в огонь входи
И принимай его как вечный праздник.
Единственным — своим — путем иди
Туда, где солнце без тебя погаснет».

Вот девушка с лицом мечты и грез
В огонь ступила стройною ногою,
Морозный иней самых дальних звезд
Скатился по щеке ее слезою.

Я знал: к ее отчизне прикоснись —
И будут «да» и «нет», и будут люди.
Они дадут поэзию и жизнь,
Они удушьем зла меня погубят.

Увижу новый свет, и будет мать
Нежна от счастья... Снова за годами
В лицо мне будет девушка шептать
И волосы перебирать руками.

И будет утро. Вечер. Звуки лир.
И обновленья вечное начало.
И будет мудрый и безумный мир
Меч поднимать и опускать забрало.

Приблизился, сгорая от любви,
Полнеба озарив алмазной плетью...
Я канул в мир
 нечувствия и тьмы —
За миг между рождением и смертью.

ВЕЧЕР

Еще сентябрь не начинал дожди
И бархат синевы не опорочен.
Живу последним всполохом любви,
По паутинкам осязаю осень.

Вот солнечную грустью канул день.
Я, путником в осенней тьме блуждая,
Люблю тот дом, где былью скрипнет дверь
И ослепит крыльцо настоем чая.

* * *

Пост осени. Пора проститься мне
С последними ноябрьскими днями,
Побыть с самим собой наедине
И жить первоначальными делами.

Год позади. Тревог не перечеть.
Все пережил, все сердцем переплавил.
С листвой простился, но продленье есть
В кольце годичном — под корой окалины.

Пост осени. Как горный перевал.
И снова дали четвертью Вселенной.
И грудь моя, как опустевший зал,
Где гулко голодны по звукам стены.

* * *

Когда мои любимые леса
Опустошит безжалостная осень,
Я детские услышу голоса,
Летающие в октябрьскую просинь.

То юная березка отчих мест,
Суровое провидя испытанье,
Поднимет к небу невесомый перст
И обновит просторы мирозданья.

САЯНЫ

Туда, к неведомым местам
Мы едем Усинской дорогой.
Здесь кедры горные, а там —
Еще невиданное мною.

Мы будущее наживем...
Бросаем прошлое степенство,
Качаемся, мой друг, вдвоем
В большой машине Тувагентства.

Глядим в окно, разинув рот...
Заоблачного серпантина
Уже девятый поворот
Машина с ревом проглотила.

Там, где Тоора-Хем, Эрзин,
За далью облегченной, гулкою
Истаем мы, как сизый дым,
Над черною тувинской трубкою.

В ДОМЕ ШОПЕНА

В той комнате... от половиц до стен
Молчало все, пронизано забытьем.
Как светлый день, ушел от нас Шопен
И записи оставил на пюпитре

О том, как ветер северным смычком
Озвучивал вершины старых сосен,
Как в комнату всевидящим зрачком
Во все окно в упор глядела осень.

МУЗЕ

I

Ты плакала и грезила
В ладошечки дыша —
От холода, поэзия,
О, нежная душа!
Что мимо, мимо счастьеце,
И вечер обманул,
И марлевое платье
Буря насквозь продул.
Не плачь! На вот клубничные...
Табак в кармане был.
Вчера в кафе приличное
С девчоночкой ходил.
Сказала на прощание:
«Прошу, не приходи».
Отчаянье, молчание.
А весны — впереди.

II

Разговорились вежливо.
Коснулись тонко душами.
А ты все что-то бережно
Свое родное слушала.

Как будто белым всполохом
За дальними поездками
Увидел я черемуху,
Окошки с занавесками.

III

Пора любимой! Нежность морщит губы.
Сегодня ты моя, я нынче твой.
Пока еще не полоснули трубы —
Над миром детский голубой покой.

Пора любимой! Словно опозданье.
Но все ж пришла желанная пора.
Предчувствие оттаивал страданьем,
Чтоб слышать эти милые слова.

Приди ко мне на переломе. В третьем.
И тайну слов листвою закружи.
А утром, предъявляя счет бессмертью,
На стол перо с бумагой положи.

IV

Все, чем я жил, все, что во мне имелось, —
Открылось сердцу у твоей груди.
С тобой мне расставаться не хотелось,
И взгляд твой говорил: не уходи.

Мне, жаждущему, было это много —
Ведь обветшало прошлое кругом.
Осталась ты — как ясная дорога,
Которая ведет в родимый дом.

Чтоб пережить хороший сон,
Мне стоит только в мой знакомый
Шахтерский выехать район,
Увидеть дом за терриконом.

Дом голубой, где ждет уют,
Где чаем встретят непременно.
В подарок прозвучит этюд,
Рожденный гением Шопена.

Там стопки интересных книг,
Как ожиданье встречи с музой, —
Под ноты спрятанный дневник
Особы юной, светло-русой.

А может, скажут мне: «Пора!
(Как ковш воды плеснут за ворот) —
Забудь ее. Она вчера
Уехала в далекий город».

* * *

Надежда выше всех печалей,
Моим молчанием живет.
Молчанием прониклись дали,
Где опустился небосвод.

Мы в листопадах замечаем
Утраченных событий вес.
Во имя новых начинаний
На ладан снега дышит лес.

ГРОЗА

С землею небо перекомкав,
Сошлись два мира, два ядра.
Гроза шла по ночным задворкам
Виденьем страшного суда.

И, пламенея от испуга,
Мы грозových раскатов ждем.
Нам нравится, что тучи туго
Закручены литым дождем.

В хаосе том перемешались
Любовь, злословие, цветы...
А сердце красоты боялось
В алмазных гранях красоты.

В ЮНОСТИ

Когда в удушьи суеты
Заплачешь от несовершенства,
Тогда с внезапной высоты
Прольется на тебя блаженство.

То время не успело смыть
Во мне стремления поэта,
А значит, мне свободным быть
У ног отеческого света.

Во мне леса еще ничьи,
Не оскверненные пятою,
А в тех лесах мои ручьи
Мерцают ключевой водою.

Там явью станет тайный звук,
Там оживет, что омертвело.
И примет обновленный дух
Прообраз огненного тела!

СОН

Будут теплыми воды и суша.
Только б в травы желанные лечь,
Чтобы вновь с упоением слушать
Одиночества ясную речь,
Привести в этот мир мой прозрачный
Разноцветный, веселый народ...
Снилось мне: старца мудрого мальчик
К дому белому в полдень ведет.

* * *

Какая-то большая небыль,
Которую мне не понять:
Земля вот-вот сольется с небом
И время повернется вспять.
Ноябрь в холодную обнову
Поля и кровли облачил.
А я от царственного слова,
Как раб, свободу получил.

* * *

Огромен надо мною небосвод,
И все ж, как жилка к сердцу, вьется стежка —
К родному дому, там, где вечно ждет
С остывшим чаем мама у окошка...

МАРТ. БЕРЕЗА

Вот изморозь на белой коже
Свернулась в слабую капель,
И сладкой болью потревожит
Под ветром скрипнувшая дверь...

ТВОЙ ГОЛОС

С приходом первомартовских начал
Отсеребрились на стволах морозы...
И в тишине твой голос зазвучал
Обветренною кожицей березы.

* * *

Люблю, Мария, я твой дом
В печали северного сада.
Сараи, крытые ладом,
Герани, овощные гряды.
Под воскресенье с вещмешком
(Так отчего же сердце плачет?)
Спешу до сумерек пешком
Денисовской зеленой дачей.
Увидеть снова ширь полей,
Услышать родственное слово,
Узнать про жизнь твоих детей,
Твоих внучат белоголовых.
И вновь мечтать светло о ней,
Которой очень, очень нужен... —
Там свежесть белых простыней
И сквозняки домашних кружев.

ДЕНЬ ПАМЯТИ

А я, как будто на все лето дачник.
Шумят грозой омытые сады,
И на стене играет теплый зайчик
Из бочки, полной дождевой воды.

На черных грядках острые росточки,
А на лугах, скрывая боль утрат,
Оранжевые, синие цветочки
На человека вежливо глядят.

Я самой нежной жаждал насладиться,
Но оказалось — выше нет любви,
Чем ощущать, как горний воздух, лица,
Отмеченные памятью земли.

* * *

И люди, коих рок на землю бросил...
Пусть навсегда исчезнут их следы,
Но каждый жил и нес в большую осень
Кто сладкие, кто горькие плоды.

* * *

Как остро чувствуют глаза:
Над крышами нависла нега,
Собачий лай и голоса —
Туда скользят по хлопьям снега.

Герани поздней алый ком
В окне. Забота утро будит.
Уже за ранним молоком
Спешат с бидончиками люди.

И там, где замирают дни,
Высокое тревожит слово,
Как будто детство пронесли
Охапкой сена молодого.

ЗАЗИМОК

Уже не путь, а колея.
Яснее, холодней рассудок.
На образ твой судьба моя
Уже кладет другой рисунок.

Да все напрасно, наугад
Вчера любимый, а сегодня
Ложится свежий листопад
Легко на черный, прошлогодний.

То кисть рябины, то сирень,
Где лист последний сгустком зноя.
И вся-то радость — зимний день,
Разбавленный скупой весною.

НА ВОЛГЕ

Береза утреннюю цветь
Ветвей проплакала.
Я еду нынче в Шелехметь,
Потом в Балаково.

Час ранний. Ветлы над рекой
Щебечут листьями.
Девчонка с праздничной косой
Стоит на пристани.

Кто с ягодой спешит вперед,
Кто с легким грузиком.
Мой долгожданный пароход
Плывет картузиком.

* * *

Прости, мое родное поле,
Я для тебя отпел, отцвел,
Мой дух, рожденный силой воли,
На звездные луга побрел

Сходить на девственные плесы
И вдохновение нести,
Кропить июньской ночью росы
И время удержать в горсти.

Но утро. Скоро пробужденье.
Пора лепить, пахать, полоть.
В свое вернуться назначенье,
В земную одеваться плоть.

В РОДНОМ КРАЮ

Прозрачен майский зной,
Переходящий в лето.
Плешковскою горой
Лежит моя планета.

Там шахтный террикон,
Реки изгиб за створом.
В окольный небосклон
Трубит рабочий город.

Ну, трогай, сивка, воз!
Неаккуратный мальчик,
Известкою берез
Я сильно перепачкан.

Везем березы к нам
На новую ограду.
Дымит сосед Иван
Зеленым самосадом.

В ГОСТИ

I

Как славно, мама! Посмотри —
Все поле зацвело!
Идем гостить денька на три
С гостинцами в село.

Идем к бесчисленным кустам.
Черемуха цветет.
Идем к любимым старикам.
Работать в огород.

С действительной я ровно год
Вернулся молодцом.
В селе красавица живет
И служит продавцом.

Я познакомиться не прочь —
Тревожит сердце юнь —
И целоваться с ней всю ночь,
Шептать слова в июнь.

II

Какие, мама, облака!
Дождю большому быть.
В Денисово на два денька
Идем траву косить.

— День добрый, дедушка!

— Как звать

Мальчонку? Чьей родни?

Из Волгограда, говорят, —

Все не живем одни.

Вновь разговор. Хрустит опять

Об терочку морковь.

Иван Данилыч — это зять,

Григорьевна — свекровь.

III

Какая, мама, синева!

Несем с лугов цветы.

Еще не вкладывал в слова

Такой я красоты.

Как будто вечно юный гость,

Весна волнует грудь.

Проведаем с тобой погост —

Пойдем в обратный путь.

* * *

...Те тучи были — ослабевший ад,
Пролившийся в поля живой водою.
А за окном черемуховый сад
Уже дышал невестой молодою.

А я за все — куда свой взор ни кинь
Платил налево и направо штрафы.
Мне тридцать окончательно. Июнь.
Я записал в пустующие графы

О том, что знак звериный на челе,
Что от любви напрасной не болеть мне,
Что слышал в заблудившейся пчеле
Знакомый голосок тысячелетья.

БЕССМЕРТЬЕ

В краю суровом, на родном приволье,
Где нам и только нам лишь власть дана,
Мы выткали своим рождением поле
И высеем в вечность семена.

Но час придет, свое забудем имя,
Спокойной твердью ляжем там и тут.
Тогда по нам, примяв зеленый иней,
Потомки изумленные пройдут.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Валентин Махалов. С открытым сердцем . . .</i>	3
«И хлеб, и соль, и винограда гроздь...» . . .	7
«Купавы, жаркие купавы...» . . .	8
«Наша бедность граничила с богом...» . . .	9
Лето в отрочестве	10
«Как детский сон после обеда...»	11
«Вот оно, свиданье в стынь мороза...»	12
«Я помню: на кончину февраля...»	13
Возвращение в детство	14
Оттепель	15
Весна	16
«Возьми все то, что я могу любить!..»	17
Любимой	18
Разрыв	19
«Лист желтый, пролетев над головой...»	20
Письмо	21
«Костер таежный грел меня как прежде...»	22
Вечер	24
«Пост осени. Пора проститься мне...»	25
«Когда мои любимые леса...»	26
Саяны	27
В доме Шопена	28
Музе	29
«Чтоб пережить хороший сон...»	32

«Надежда выше всех печалей...»	33
Гроза	34
В юности	35
Сон	36
«Какая-то большая небыль...»	37
«Огромн надо мною небосвод...»	38
Март. Береза	39
Твой голос	40
«Люблю, Мария, я твой дом...»	41
День памяти	42
«И люди, коих рок на землю бросил...»	43
«Как остро чувствуют глаза...»	44
Зазимок	45
На Волге	46
«Прости, мое родное поле...»	47
В родном краю	48
В гости	49
«...Те тучи были — ослабевший ад...»	51
Бессмертье	52

ИБ № 533

Виталий Артемьевич Крёков

ЛИЦО ТВОЁ

Стихотворения

Обложка Г. В. Тржемецкого.

Редактор Л. В. Глебова.

Художественный редактор А. С. Ротовский.

Технический редактор Г. Н. Манохина.

Корректор А. Г. Ерофеева.

Сдано в набор 31. 10. 1979 г. Подписано к печати 28. 02. 1980 г. ОП 22821. Формат 60×84^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.-печ. л. 1,63. Уч.-изд. л. 1,05. Тираж 5000. Заказ 15773. Цена 10 коп. Кемеровское книжное издательство, Кемерово, Ноградская, 5. Кемеровский полиграфкомбинат, Кемерово, Ноградская, 5.

**КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
В 1979 ГОДУ**

**выпустило сборники стихов
кузбасских поэтов:**

В. Матвеев. Улыбка с нагрузкой.
Стихотворные фельетоны, юморески,
литературные пародии.

Л. Гержидович. Таволга. Стихи
о сибирской природе, о любви к род-
ному краю.

Дыхание земли родимой. Сборник,
составленный из лучших стихов по-
этов-кузбассовцев.

ТОЕ

ПДИ

3
АНН
УДОТ
ОМ
УТ
ОННС
УЖС
ВСЕ
ОЛН
(сто

с | ИСТОРИЯ

10 коп.